

Попова Ирина Михайловна

АМПЛИТУДА ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ КОНЦЕПТОВ "ПРАВДА ГОСПОДНЯ" И "СВОЯ ПРАВДА" ПО РОМАНУ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА "ОБИТЕЛЬ"

В статье анализируется художественно-аксиологическое содержание романа Захара Прилепина "Обитель" (2015); выявляются ключевые и опорные символические оппозиции "Правда" и "своя правда" и их варианты: "святость - святотатство"; "любовь - ненависть", "свобода (воля) - рабство", "рай - ад", "святое место - западня" и др., которые формируют в художественном тексте мотивы, раскрывающие интенцию автора-повествователя. Выявляется центральная идея произведения: Россия уклонилась с традиционного православного исторического пути развития, забыв первоначальные смыслы понятий духовной сферы в результате идеологического манипулирования ими.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-2/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. II. С. 144-150. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. Андросов Е. Д. Таатта олонхоуттара уонна ырыаһыттар (Олонхосуты и певцы Таатты): в 2-х ч. / на якут. яз. Якутск: КИФ «Ситим», 1993. Ч. 2. 47 с.
5. Анкеты олонхосутов заречных районов (Таттинский район). 1970 г. / сост. В. В. Илларионов, В. Д. Окороков // Илларионов В. В. Олонхоуттар тустарынан кылгас сибидиэньнэлэр (Краткие сведения об олонхосутах: приложение к дипломной работе) / на якут. яз. Якутск, 1973. 145 с.
6. Баайага. Таатта улууһа (Баяга. Таттинский улус) / сост. Е. Д. Андросов и др.; редкол.: И. М. Андросов и др.; отв. ред. В. Н. Луковцев; на якут. яз. Якутск: Бичик, 2003. 552 с.
7. Илларионов В. В. Искусство якутских олонхосутов. Якутск: Бичик, 1982. 123 с.
8. Илларионов В. В. Якутское сказительство и проблемы возрождения олонхо. Новосибирск: Наука, 2006. 191 с.
9. Захаров Ф. Ф. Боотурускай улуус схемаларын төрүт уустара (Родословия якутов Ботурусского улуса): документальный очерк / на якут. яз. Чурапча, 1993. 64 с.
10. Кузьмина А. А. Олонхо Вилюйского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы. Новосибирск: Наука, 2014. 160 с.
11. Рукописный отдел Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (РО ИГИИПМНС СО РАН). Ф. 5. Оп. 3.
12. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2013 года. М.: Федеральная служба государственной статистики Росстат, 2013. 528 с.

**THE EXISTENCE OF TATTINSKY LOCAL TRADITION OF THE YAKUT EPOS OLOMKHO
(ON THE BASIS OF THE CARTOGRAPHIC RESEARCH METHOD)**

Orosina Nadezhda Anatol'evna

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
onadya88@mail.ru*

Semenova Lyubov' Aleksandrovna

*North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
selyuba@mail.ru*

In the article the Tattinsky local tradition that has been distinguished by the developed epic environment is considered as an object of study for the first time. To identify the olonkho existence of this tradition with the use of cartographic method the author reveals four olonkho areas of distribution according to three periods where the number of olonkho story-tellers in the naslegs of Tattinsky district is presented.

Key words and phrases: the Yakut epos olonkho; epic tradition of the Yakuts; Tattinsky local tradition; cartographic method; olonkho areas of existence; pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods.

УДК 82-312.1

Филологические науки

В статье анализируется художественно-аксиологическое содержание романа Захара Прилепина «Обитель» (2015); выявляются ключевые и опорные символические оппозиции «Правда» и «своя правда» и их варианты: «святость – святотатство»; «любовь – ненависть», «свобода (воля) – рабство», «рай – ад», «святое место – западня» и др., которые формируют в художественном тексте мотивы, раскрывающие интенцию автора-повествователя. Выявляется центральная идея произведения: Россия уклонилась с традиционного православного исторического пути развития, забыв первоначальные смыслы понятий духовной сферы в результате идеологического манипулирования ими.

Ключевые слова и фразы: концептуальные оппозиции; прием антиномии; трансформация первоначальных смыслов; слова-символы; мотивная структура; опорные элементы текста; авторская интенция; христианская аксиология.

Попова Ирина Михайловна, д. филол. н., профессор
Тамбовский государственный технический университет
kafruss@mail.tambov.ru

**АМПЛИТУДА ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ КОНЦЕПТОВ «ПРАВДА ГОСПОДНЯ»
И «СВОЯ ПРАВДА» ПО РОМАНУ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ»[©]**

Важность выявления мутации первоначальных смыслов духовной сферы русского языка была глубоко осознана Захаром Прилепиным – писателем, что доказывают его высказывания по этому поводу. В своем

эссе «Свобода начинается с зачистки» из книги «Летучие бурлаки» [8] он подчеркивал, что современные либералы и западно-американские СМИ используют в идеологических целях измененные до противоположности смыслы слов, среди которых концепты: «свобода», «дикость» и «мракобесие».

Автор романа «Обитель» восстанавливает исконные смыслы этих слов: «мракобесие – в первичном значении этого слова вовсе не позиция Русской православной церкви. Воплощенное мракобесие – это позиция российского креативного класса <...> Мы вновь попали в ситуацию, когда либеральная интеллигенция совершила нарочитую и бесстыдную подмену понятий» [Там же, с. 82]. В прилепинском эссе обращено особое внимание на то, что в XXI веке «вновь» христианскую нравственность объявили «мракобесием» и «дикостью», вслед за давно ушедшими большевиками, защитники «свобод сексуальных меньшинств». Писатель воссоздал исконный смысл слова, состоящего из двух корней: «“мрак” – символ ада, жизни без Бога», «отсутствие Божеской благодати» [7, с. 261] и «бес» – (греч.) «злой дух» [Там же, с. 38]. Автор пишет далее: «активное и последовательное выступление в поддержку того, что последовательно и активно противоречит христианской морали, это и есть мракобесие» [8, с. 83].

Опорное для романа «Обитель» слово «свобода» тоже определяется Прилепиным в первоначальном смысле. Он утверждает, что нужно разделить понятие «жить в мире всевозможных свобод», то есть в мире «своеволия», и понимание «самому быть свободным». Подчеркивается полная противоположность смысла первичному значению слова «свобода» как «правда», как «следование заповедям Христа» [7, с. 395].

Мутированный смысл слова установили, по мнению писателя, «элиты Западных стран», сделавшие его, по сути, синонимом слова «первобытный», повторяющий распушенность нравов ветхозаветных времен Содомы и Гоморы. Прилепин переворачивает смыслы обратно, ставя их с головы на ноги, и заканчивает свое эссе утверждением, что только свободные духовно чувствуют «Правду», а дикость – это не свобода, а распушенность» [8, с. 83].

В связи с вышесказанным, представляется, что постановка проблемы, вынесенной в заглавие нашего исследования, правомерна и актуальна. Делая ключевыми искаженные смыслы слов и словосочетаний, Прилепин стремится ответить на вопросы, по его словам, которые «люди ставят перед собой сегодня и сейчас <...> Мужчина и женщина, боль, страсть, воля, свобода, понимание того, что мы есть, зачем мы есть, что такое русский человек и насколько он силен, безумен, красив» [2].

В связи с этим необходимо отметить, что употребляемые нами термины «ключевые слова», «опорные элементы текста» означают в филологии художественный прием, состоящий в повторении отдельных слов – символов, выражающих главную идею произведения (Д. Н. Лихачев, Ю. Н. Караулов, А. В. Пузырев и др.). Если наиболее частые слова, отражающие тематические предпочтения поэта, следовало бы назвать опорными словами идеолекта, – ключевыми словами идеолекта следовало бы обозначить те опорные слова, которые, используя в самых различных контекстах, приобретают содержательность, не сводимую к общезыковой, не зафиксированную словарями, и становятся для поэта (и его читателя) знаками категориальных начал индивидуального поэтического мышления [10, с. 134].

Исследователи подчеркивают, что то или иное опорное или ключевое слово, обрастая многочисленными (в глазах отдельных языковых личностей) – подчас противоположенными коннотациями, становится характеристикой – оценкой, выражающей смысл данной эпохи. При этом отличие опорных слов от ключевых заключается в том, что «ключевые слова не могут характеризовать уровень языковых единиц – они могут быть отнесены, прежде всего, к уровню текста, поскольку реализуют особый композиционный прием!» [Там же].

Семантико-стилистическая (в ходе развития сюжета) трансформация ключевого слова и служит основанием считать его центром поэтической (художественной) рефлексии автора произведения.

Добавим, что по нашим наблюдениям, в художественном тексте романа «Обитель» ключевым может быть и слово, и словосочетание, и предложение, и сложное синтаксическое целое.

Немногочисленные исследователи, обращавшиеся к анализу романа «Обитель», обнаруживают, прежде всего, в этом произведении Прилепина политическую составляющую. А. Жучкова в своей интересной статье «Вегетарианские двадцатые в “Обители” Захара Прилепина» заявила, что писатель отчасти манифестирует тот же демарш, что и в «Письме товарищу Сталину» [5]. По убеждению А. Жучковой, Прилепин – «переосмысливает» Прилепина – политика. И хотя политический аспект присутствует в «Обители», но наряду с постановкой «вечных» проблем [Там же, с. 165]. «Политичность» Прилепина А. Жучкова усматривает в расшатывании краеугольных камней «сложившегося на сегодняшний день восприятия истории», в объявлении писателем «благодарности Сталину» и «эстетизации Эйхманиса» [Там же, с. 166]. Автор статьи приводит в доказательство обладание Эйхманисом особого рода «магнетизмом несомневающейся власти, привлекательный для Артёма и Галины» [Там же, с. 167].

«Эстет, эстетичный – это “поклонник изящного, относящийся к чувству прекрасного, к красоте и её восприятию”» [6, с. 840]. Никак нельзя назвать эстетом человека, уничтожившего все человеческое в себе подобных, превратившего храмы в камеры пыток и изредка игравшего роль «просветителя» народа (Опровержение эстетизации начлагеря может стать темой отдельного исследования). Налицо очередная подмена смысла слова, против чего боролся писатель Прилепин.

Утверждение автора статьи, что Эйхманис «эстетизирован» Прилепиным может быть также опровергнуто следующим фактом, в дневнике Галины Кучеренко писатель поместил документальное свидетельство, что Эйхманис интересовали не сами эстетические ценности, а их стоимость, и что ему «не хватало в детстве культуры», поэтому он «хотел, чтоб была культура» [9, с. 706].

Совсем неуместно настойчиво постоянное сопоставление автором статьи романа Прилепина «Обитель» с «Письмом к товарищу Сталину», так как художественные цели и поэтические средства художественного произведения Прилепина и его публицистического эссе различны и их невозможно сравнивать на равных, тем более, что в указанном эссе Прилепин пытался «выровнять углы», показать, что «истина всегда посередине», говоря словами А. Жучковой, З. Прилепин по сути всегда расширяет дихотомию бело-черного взгляда на мир, а значит его творчество, на наш взгляд, требует более тонкого эстетического анализа [5, с. 166].

Главная проблема, поставленная в романе Захара Прилепина «Обитель» (2015), – определение смысла исторического пути России – решается с помощью системы концептуальных оппозиций: «вера – безверие», «святость – святотатство», «край – преисподняя», входящих в основную антиномию «Правда Господня» и «своя правда» [9, с. 270], которая реализуется в судьбе главного героя произведения Артёма Горяинова.

В рубрике «От автора», которая открывает роман, концептуальным символом России объявляется древний Соловецкий монастырь, ставший в начале 1920-х гг. исправительным концлагерем. Динамика от Святой Руси X века к большевистской России XX столетия определяется автором как путь от «Правды Господней» к «своей правде», от святости к бесовству.

Прадед писателя, отсидевший в Соловецкой тюрьме и получивший прозвище «бешаный чорт», из-за особой агрессивности и злобности даже по отношению к животным, видел «святых и бесов воочию» [Там же, с. 7]. Знаменательно, что слово «бес» и относящийся к нему лексический ряд повторяется на первых шести страницах авторского обращения к читателям более двадцати раз, а в тексте романа оно звучит еще более ста шестидесяти раз. Опорное слово «бес» очень часто произносит Артём Горяинов, прототипом которого отчасти является прадед автора произведения; а также и Василий Петрович, и Галина, и Эйхманис, и многие другие персонажи. Тем самым автор свидетельствует о силе зла, обуявшего людей, находящихся в святой Соловецкой обители. Не случайно в финальных «Некоторых примечаниях» З. Прилепин подчеркивал, что Эйхманис был членом спиритического кружка «Черти пытались вызвать себе подобных» [Там же, с. 740].

В роман введено также четкое противопоставление: «святая обитель» – «преисподняя». Образ обители как ада дается в восприятии Артёма: монастырь предстает как языческое «каменное чудовище», угловатое, «неопрятное, разоренное», «выгоревшее», «тяжелое». Герою кажется, что «построена обитель не слабыми людьми, а разом, всем своим каменным туловом упала с небес и уловила всех, оказавшихся здесь, в западню» [Там же, с. 19]. Артем страшился смотреть на монастырь, видя в нем только «кромешную» тюрьму, «мрак». Монастырь кажется ему иногда «грязной плитой с гигантскими черными кастрюлями, крышки у которых купола церквей, в которых варится “человечна”» [Там же, с. 575], или предстает слепой ископаемой черепахой [Там же, с. 375]. Это наглядный образ «кромешности», ада, преисподней. Но даже «стихийно неверующий» Артем видит, что «над Соловками в небе чувствовался купол, некая невидимая твердь» [Там же, с. 40]. А почему-то, в душах большинства людей присутствуют страх, ненависть, «святотатство», происходит «поругание святынь», творится насилие и надругательство над личностью. На первых страницах романа заключенные по приказу начальства рушат монастырское кладбище, грязно матерясь [Там же, с. 35]. «Восторг святотатства» отражается на их лицах. Сжигаются православные кресты, раскальваются древние надгробья, уничтожаются храмы, поруганию и унижению подвергаются не только мощи многочисленных святых, но и каждый отдельный живущий здесь человек.

В «Дневнике Галины Кучеренко» есть свидетельство о большевиках: «как быстро здесь бывшие бойцы и герои Красной армии превращаются в распутных свиней, впадают в безобразие бесстыдства и безнаказанности» [Там же, с. 708].

Амплитуда «вера – безверие», «любовь – ненависть» настолько широка, что за «вседозволенность, названную “своей правдой”» адские страдания постигают всех.

Даже глумление, заключенное в словах «почти идеального русского интеллигента» Василия Петровича, оказавшегося «богомольным палачом», «якобы верующего», сказавшего о заключенных архиепископах русской церкви: «Шестая рота – ангельская! Раз, два и на небесах» [Там же, с. 66], обернется его страшной гибелью в штрафном изоляторе на Секирке. Ужасная смерть ждет и Эйхманиса, и Горшкова, и Афанасьева, и Мезерницкого, и других персонажей.

Возникает вопрос, в чем же заключается правда? Где она? У большевиков, у монахов? Русская пословица гласит: «И твоя правда, и моя правда, и везде правда – где она, Правда?» [11]. Обитатели Соловецкого лагеря подразделяются на большинство, отстаивающее «свою правду» (и у каждого она разная); и на меньшинство, следующее за «Правдой» с большой буквы, как в русской пословице. Господней.

Первоначальный смысл слова «правда» – закон, добродетель, оправдание грешника заслугами Христовыми [3, с. 472]. В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля «правда» толкуется в первоначальном смысле – «истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость. Творите суд и правду. Стоят за правду. Нет правды на свете суда по правде. Небеса, возвещают правду Его, Псалтирь. Истина от земли воссия, и правда с небесе приниче, Псалтирь <...> правосудие свыше. | честность, неподкупность, добросовестность» [14].

Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой в понятие «правда» вносит как синоним понятие «истина»: правда – это: 1) то, что соответствует действительности; истина; 2) правдивость, правильность; 3) разг. правота; 4) порядок, основанный на справедливости [13].

В Толковом словаре С. И. Ожегова утверждается, что правда – это то, 1. «что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей. Сказать правду. Услышать правду о случившемся. Правда глаза колет (посл.). 2. Справедливость, честность, правое дело. Искать правды. Стоять за правду. П. на твоей стороне. Счастье хорошо, а п. лучше (посл.). 3. То же, что правота (разг.). Твоя п. (ты прав). Бог правду видит, да не скоро скажет (посл.)» [12].

Если правда должна «существовать в действительности», соответствовать реальному положению вещей, то тогда «правда» отдана на волю человеку, она «соответствует реальности», а реальность меняется, значит, возможна и «своя правда». Ведь речь идет уже не о «правде Господней».

«Истина» представлена как синоним «правды», но с дополнительным оттенком справедливости. «Истина» – справедливость, верность, искренность, чистосердечность [3, с. 230]. Искажение смысла уже налицо: правда привязана к обстоятельствам жизни.

В романе Прилепина «своя правда» настойчиво утверждается руководством лагеря, намеренно искажавшим смысл истории православной Руси. Так Эйхманис твердит, что в Соловецком монастыре «всегда была скотобойня», «живодёрня», что «Соловки – это странное место». В тексте романа слово «странный» имеет двойной смысл. «Странник», «странный человек» – это паломник, служитель Богу [16, с. 183]. Первоначальный смысл слова «странный человек» носил в себе утверждение необходимости веры и святости, посещения святых мест.

Но слово «странный» приобрело и негативный смысл: «непохожий на других, ненормальный», «чокнутый» [Там же, с. 184]. Последний смысл наиболее часто употребляется в XX веке. В романе Прилепина этот смысл подчеркивает атеистическое восприятие этого слова обитателями Соловецкой обители, потерявшей или никогда не имевшей, по их убеждению, никакой сакральности.

Эйхманис твердит, что всегда «Соловки были живодерней», даже когда речь шла о героической защите «горсткой монахов» северных рубежей России, о спасении от иноземных завоевателей. Для того чтобы объяснить, чем насильственно утвержденный большевицкий порядок отличается от добровольного монашеского устава, новые власти утверждают, что из монастырской тюрьмы они сделали «фабрику по перековке новых людей», называя так лагерь смерти [9, с. 267].

В унисон Эйхманису и Василий Петрович заявляет, что «из Соловков святость ушла еще в пору Алексея Михайловича», имея в виду, что в 1666 году монастырь восстал против Никоновской реформы: «А спустя десять лет осады его взяли, и бунтовавших монахов, и трудников – всех закидали камнями, чтоб сабли не грязнить и порох не переводить» [Там же, с. 68]. Это мнение является исторически неоправданным, так как святость сохранялась на Соловках всегда, даже во время раскола.

Василий Петрович уверен, что народ остался без Веры в результате петровских реформ, потому и произошла революция и наступила эпоха безбожия, запрета православия, гонений на священство, что не было главной причиной, а только следствием. Основная причина заключается в том, что был искажен смысл Русской истории, «замутнен источник веры» иностранными влияниями, не искоренено в русском народе язычество.

Жизненный путь протагониста «Обители» Артема Горяинова показывает, что православие у многих русских носило характер «стихийного неверия», произраставшего из «духовной безграмотности», от «окаменелости сердца», невозможности почувствовать свою греховность и от отсутствия любви к ближним и Богу.

Артем, например, заметил ежедневный подвиг бывшего священника, ни разу не сходявшего на парашу, стоявшую в алтаре храма («ночью поднимался и шел на улицу, в общий сортир. Пока ходил – его место занимали на нарах. Утром встаем – он сидит спит где-нибудь в углу, чуть не замерзший») [Там же]. Но персонаж Прилепина дает такую оценку: «Он дурак!» [Там же]. Сердце Артёма не трогает жертвенность бывшего священника, он не видит смысла в достоинстве и чести, в безграничной любви к Богу и людям и благоговении перед подвигом Христа в спасении человечества. А ведь молодой человек принадлежит к поколению русских людей, которое находилось еще «в традиции православия». Он тоже спешит заявить «свою правду» в момент мнимого триумфа, когда начальства приблизил его к себе. Артем равнодушен ко всем и ко всему, кроме удовлетворений плоти [Там же, с. 67].

Несмотря на множество мистических случаев «помощи Божьей», проявления явного присутствия Бога в его жизни, кажется, что Артем так и не смог это осознать, довериться, принять подающуюся ему Благодать, остался «маловером» и в результате скатился в полубезумие, стал «странным» в отрицательном смысле этого слова, идя путем святотатства, ненависти к ближнему, и остался до конца земной жизни со «своей правдой», отринув «Правду Господню».

Герой упорно сопротивлялся увещаниям владычки Иоанна, уничтожил явленную ему в помощь фресковую икону Савватия Соловецкого, дважды оттолкнул от себя отшельника.

Протагонист – «дитя века», «начитавшийся всякой дрянью в детстве», «дыр буй, щыл в штанах, навьи и чары на уме» [Там же, с. 21]. Василий Петрович уверен, что атеизм и «мистика туманная» серебряного века отрицательно повлияла на несколько поколений русских людей XX века. Действительно, Артем любит поэзию Игоря Северянина, только потому, что ее любит его мать. Прилепин свидетельствует в документальных примечаниях к роману, что Северянина любил и Эйхманис [Там же, с. 712].

Прилепинских персонажей можно отнести к типу читателей-варваров, представленных и в романе Татьяны Толстой «Кысь» в образе Бенедикта, который в результате ««слома культурной вертикали» превратился в чело-века-оборотня, ужасная животная ипостась которого неизбежно подавляет в нем все лучшее, обостряет порочное» [1, с. 10]. И Артема из романа Прилепина «Обитель», и Бенедикта из романа Т. Толстой «Кысь» влечет литература как источник нового, неизведанного, увлекательного, которое, по сути, им не понимается, но вызывает удовольствие от того, что «другие миры видишь, далекие или вовсе небывшие, а все равно живые» [15, с. 191]. Но эти персонажи не понимают смысла прочитанного, их больше увлекает внешнее звучание, ритмика слова.

Отсутствие твердого стержня «Правды» с большой буквы определяет быструю духовную деградацию. По словам повествователя, Артем «жил неоглядой, задорный, ветренный», «не имел никакой предрасположенности ни к рукоприкладству, ни к подавлению тщедушных и робких», «разозлиться как следует никогда

не умел» [9, с. 192]. Но попав в штрафной изолятор, Артем безжалостно как садист издевается над Санниковым, Горшковым и другими «чекистскими штрафниками» [Там же, с. 674-677], хотя Моисей Соломонович говорит ему: «Поведение ваше, в общем говоря, омерзительное и отвращающее» [Там же, с. 678]. Сам Артем чувствует себя «неуместно здоровым молодым человеком» [Там же]. Как и все вокруг. Галина Кучеренко в Дневнике отмечала, подтверждая документально неосознанность вины: «Тут все говорят, что невиновны – все поголовно <...> я же знаю их дела, иногда на человеке столько грязи, что его закопать не жалко, но он смотрит на себя совсем чистыми глазами. Человек – это самое ужасное» [Там же, с. 718].

Отец Иоанн прозорливо уподобляет Артема «дитю среди всех», «не поспевшему колосу, полному молоком беззлобия» [Там же, с. 519], хотя это было вначале не совсем так из-за «окаменелости его души после убийства своего отца». Нераскаянность сердца – причина того, что Артем не может преодолеть свое неверие: Евангелие он про себя называет «глупой книжкой» [Там же, с. 524], хотя владычка «нравится» ему: «Кого угодно он хотел бы огорчить – но не владычку, нет» [Там же, с. 521].

Символом отказа от Правды Господней становится его отказ от меда из рук матери, взятого ею со стола с объедками. «Он испоганил душу» свою мусором, объедками, то есть перенимая грехи других людей, поэтому ему уже недоступна «сладость бытия с Богом в душе». Его уши не слышат, а глаза не видят «обильно источаемой благодати» [Там же].

Осознание тяжести греха, нелюбви к ближнему приходит к нему только «на пороге» смертельной опасности. Герой думает: «Я сердился на Бурцева <...> А теперь он – труп в земле. На кого я сердился, на труп? <...> И всю эту ржавь мне носить при себе, потому что деть ее некуда и соскоблить нельзя?» [Там же, с. 485]. Но такое состояние оказывается для Артёма быстро проходящим.

Кажется, что всеми силами своего духа отец Иоанн стремился пробудить в нем веру в Бога, но не смог этого сделать. Артему он объяснял, что без веры он сирота, ему не на кого опереться, а с верой ему будет все по силам, любые испытания будут легки. Владычка пытается вызвать в Артеме жалость к ближним, к искалеченным Филиппу и Жабре. Он просит: «Не обозлись за весь этот беспорядок вокруг тебя. Если Господь показывает тебе весь этот беспорядок – значит он хочет побудить тебя к восстановлению порядка в твоём сердце. Все, что мы с тобой видим, – просвещение нашего сознания. За то лишь надо благодарить Господа, а не порицать» [Там же, с. 168]. Но сердце Артема глухо. Он твердит, что хочет быть «Сирота без креста и без хвоста» [Там же, с. 361].

Думается, что к персонажу применимы слова Христа: «И сбывается над ними пророчество Исаяи, который говорит: слухом услышите, и не разумеете; глазами смотреть будете, и не увидите; ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы я исцелял их» [4, г. 13:4, с. 14-15].

С удовольствием вначале слушал Артем только начальника лагеря, когда тот излагает «свою правду». Повторяя слово «свой» десятки раз, Эйхманис утверждает бесовское своеволие: «Свои владения», «свой кремль», «свои паханы», «свои монахи», «своя армия», «свои деньги», «своя газета», «свои гетеры», «свои палачи», «своя власть», «своя религия», «свои жертвоприношения», «свой язык». Большевицкая «своя правда» сформулирована так: «Пролетариат лучше Христа» [9, с. 271].

Эйхманис спрашивает молодого героя: «Есть ли огромная правда, которую можно противопоставить большевистской? Сбереечь ту Россию, которая вся развалена на куски, изнутри гнилая, снаружи – в вашем сусальном золоте» [Там же]. Но в этот момент Артему начлагеря кажется безумным: «В его глазах не было ничего человеческого» [Там же, с. 272]. Все чувствуют демагогию и ложь в словах Эйхманиса: «Христос гнал меня из храма, а пролетариат поселил всех в храмах. И кто менял, и кто стрелял, и кто чужое воровал» [Там же, с. 271]. Безумием веет от этих рассуждений, так как в Соловецких храмах люди живут как нелюди. Начлагеря, видя слабость своих аргументов, заявляет, что «если напишут стихи и споют песни, “то и будет оправдание на века”» [Там же, с. 277]. Хотя понимает, что оправдания «такой бесовской правде» не будет никогда. Но Артем и многие вокруг соблазняются «своей правдой».

Ответ Захара Прилепина на вопрос «Что есть правда?» дан в предисловии его книги: «Истина – то, что помнится» [Там же, с. 12].

В чем заключается «своя правда» центрального героя Прилепина, становится ясно из следующего высказывания Артема: «Бог есть, но не нуждается в нашей вере. Он как воздух. Разве воздуху нужно, чтобы в него верили? <...> Что до ада – то он всего лишь одна из форм жизни, ничего страшного» [Там же, с. 689]. Персонаж окончательно обезличился, приспособляясь к «земному аду», скрылся от глаз начальства так, чтобы стать незаметным.

Из «дитя» Артем превращается в «исчадие ада». Он ненавидит всех вокруг, даже Галину, пытающуюся его спасти во время побега: «Артем чувствовал, что сидящая сзади него Галя уже хочет его пристрелить» [Там же, с. 621]. Он задавал себе вопрос: – «Кто он такой? Он никто» [Там же, с. 625].

Слово «тварь», означавшее в Библии творение Божие – человека, превратилось в грубое ругательство, которым перебрисывались бывшие страстные любовники. Как и слово «исчадие», означавшее в древности «дитя, порождение, происхождение, род, потомка» (устар. книжн.), затем стало иметь только негативный смысл: «так говорят о чем-то дурном» [16, с. 361].

Оба слова применяются Галиной и Артемом как синонимы слова «сука»: поскольку персонаж уверен, что «никакой любви у него к этой глупой женщине не было. И у неё к нему» [9, с. 633].

Ненависть, возникшая вместо любви, воспринимается героями как переход от «воли к рабству». Галя уверена теперь, что Артем не «волелюбый». «Есть такое слово: волелюбый <...> не про тебя слово» [Там же, с. 634], – говорит Артему разочарованная в нем Галина. Воля человеку дана от Бога, а «свобода» может быть слабостью и наваждением. Неподдельной волей и любовью обладали Мари и её большой муж, оказавшиеся в еще более

невыносимом состоянии, чем заключенные в «Соловках», но не предавшие любовь друг к другу. В Историко-этимологическом словаре современного русского языка «воля» трактуется так: «Воля – 1) способность осуществлять свои желания, достигать намеченных целей; 2) желание, требование, приказание; 3) свобода» [16, с. 164-165].

Для людей неверующих «свобода – отсутствие политического и экономического гнета, возможность жить и мыслить без стеснений, без давления с чьей-либо стороны, по своей воле, это независимость от кого-либо». В говорах В. И. Даль считает слово «свобода» производным от «слобода» – освободить, второе значение: род, родня, <...> собственный, свой – это свойственный себе [Там же, с. 148].

Появляющийся перед Артемом старец-монах, живущий в земляной норе, добровольно терпящий холод и голод во славу Божию, «крепко стоит на ногах», хотя чрезмерно худ, что свидетельствует о силе духа святого, поддерживающего всех святых подвижников. Но центральный герой романа не хочет это осмыслить. Он воспринимает свободу как «волю совершать любые страстные поступки»: объедаться, «сладострастничать» и т.д., злословить, мстить, наказывать, то есть быть, по сути, «рабом своих страстей». Он рвется к такой «свободе», которая есть «своеволие». Герои Ф. М. Достоевского тоже старались «заявить» именно «свою правду». В концлагере Артем не понял, что, находясь в рабстве у большевиков, отец Феофан, например, более свободен, чем Эйхманис, потому что «по молитвам он имеет свободу внутреннюю», духовную. Феофан живет в разоренном монастыре, служа Богу, и он внутренне свободен. А Артем, думая только, как набить утробу, «молитвенно относясь к пище», лишен всякой свободы и, в конце концов, теряет свою личность.

Главный герой во второй книге романа в результате попадания в западную идеологию большевизма, отставания «своей правды» теряет не только любовь, свободу, но и душу: становится «агрессивным», ненавидит всех. Это западня, которую не монастырь, а человек «уготовил себе». Из «западни» большевистской неволи, действовавшей в концлагере, смогли выбраться только праведники, такие как владычка Иоанн, отец Зиновий, иконописец Щеглов.

Но все же духовное преображение Артема произошло. В начале на плацу, где выстроили всех для расстрела, Артем увидел Галю, приговоренную к расстрелу, «жалкой, маленькой, растерянной, как ребенок» [9, с. 693]. Артем почувствовал ее одиночество («как на льдине»). Голова ее показалась ему седой [Там же, с. 694]. Он понял, что любит ее милосердной любовью. Он поменялся с Захаром, которому выпал расстрел, желая умереть вместе с нею. Артем совершил поступок по своей воле, совпадающий с Волей Божьей: «И Галя дрогнула и прозрела: увидела его», потому что «все расступились так уважительно, как никогда в жизни» [Там же].

В эпилоге звучит правда о монастыре из уст батюшки Зиновия, Артем чувствует «так много неба», что простор после леса сделал его оглохшим.

Таким образом, призываемый владычкой Иоанном «в рай» для обретения «сыновства», для жизни с Богом, центральный персонаж создал внутри себя «преисподнюю», выбрав вместо духовной свободы, вместо любви к ближнему, – рабство греха и ненависти, которое назвал «своей правдой». Он потерял веру не только в Бога, но и в человека, уверенный в одном, что «каждый человек носит на дне своем немного ада: пошелите кочергой – повалит смрадный дым» [Там же, с. 486].

Отвергнув Бога, герой почувствовал себя «голым», отторгнул себя от природы, от Божьего мира и видя в нем только ад («Как много в природе страшного, смертельного, ледяного. Как мало умеет голый человек») [Там же, с. 618].

На самом деле слепым, глухим и голым был он сам, не видя святости вокруг, а взирая только на людские мерзости тех, кто утратил в себе образ Божий.

Обнажив исконный концептуальный ореол вокруг слов и словосочетаний из лексики духовной сферы, показав их измененную до полной противоположности семантику, автор романа «Обитель» Захар Прилепин продемонстрировал этим художественным приемом, что в XX веке не только отдельные личности, но и в целом общественные отношения трансформировались в отрицательную сторону посредством манипулирования истинными смыслами таких важнейших понятий, как «правда», «истина», «свобода», «воля», «благодать», «святость», «любовь», «Бог», «отец», «Родина», «память» и многих других слов ближайшего семантического ряда.

Список литературы

1. **Бабенко Н. Г.** Язык и поэтика русской прозы в эпоху постмодерна. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 304 с.
2. **Большая книга Захара Прилепина** [Электронный ресурс] // Советская Россия. 2014. 30 ноября. URL: <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=598529&pagenum=1> (дата обращения: 29.10.2015).
3. **Дьяченко Г.** Полный церковно-славянский словарь [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Djachenko/polnyj-tserkovnoslavjanskij-slovar.html (дата обращения: 29.10.2015).
4. **Евангелие от Матфея** [Электронный ресурс] // Библия онлайн. URL: http://bible.ucoz.com/index/evangelie_ot_matfeja_po_glavam/0-15 (дата обращения: 01.10.2015).
5. **Жучкова А.** «Вегетарианские двадцатые» в «Обители» Захара Прилепина // Вопросы литературы. 2015. № 3. С. 164-176.
6. **Крысин Л. П.** Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, 1998. 849 с.
7. **Нюстрем Э.** Библейский словарь. СПб.: Библия для всех, 1999. 517 с.
8. **Прилепин З.** Летучие бурлаки: публицистика. М.: АСТ, 2015. 349 с.
9. **Прилепин З.** Обитель: роман. М.: АСТ, 2015. 746 с.
10. **Пузырев А. В.** О системном подходе в лингвистике. М.: ВНИИгеосистем, 2014. 520 с.
11. **Русский идеографический словарь: «Мир человека и человек в окружающем его мире», снабженная информационно-поисковой системой** [Электронный ресурс]. URL: <http://lexrus.ru/default.aspx?p=3049> (дата обращения: 29.10.2015).
12. **Словарь Ожегова. Толковый словарь русского языка** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ozhegov.org/> (дата обращения: 29.10.2015).

13. **Толковый словарь Ефремовой** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 29.10.2015).
14. **Толковый словарь живого великорусского языка** [Электронный ресурс] // Словарь В. Даля онлайн. URL: <http://v-dal.ru/> (дата обращения: 29.10.2015).
15. **Толстая Т. Н.** Кысь: роман. М.: Подкова, 2001. 319 с.
16. **Черных П. Я.** Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. Изд-е 8-е. М.: Рус. яз.; Медиа, 2007. Т. 1. 620 с.

**THE AMPLITUDE OF HISTORICAL WAY OF RUSSIA THROUGH THE LENSES
OF THE TRANSFORMED CONCEPTS “GOD’S TRUTH” AND “ONE’S OWN TRUTH”
BASED ON THE NOVEL BY ZAKHAR PRILEPIN “ABODE”**

Popova Irina Mikhailovna, Doctor in Philology
Tambov State Technical University
kafruss@mail.tambov.ru

The article analyses a literary-axiological content of the novel by Zakhar Prilepin “Abode” (2015), key and base symbolic oppositions “Truth” and “one’s own truth” and their variants: “sacredness – sacrilege”, “love – hatred”, “freedom (volition) – slavery”, “paradise – hell”, “holy site – pitfall” and etc. are revealed, which form motives in a literary text, revealing the intention of the author-narrator. The central idea of the novel is disclosed: Russia has deviated from the traditional Orthodox historical way of development, having forgotten the original meanings of the notions of spiritual sphere as a result of their ideological manipulation.

Key words and phrases: conceptual oppositions; the technique of antinomy; the transformation of the original meanings; words-symbols; motive structure; base elements of the text; the author’s intention; the Christian axiology.

УДК 81’37

Филологические науки

В статье рассматриваются номинации человека в речи курсантов военного вуза, при этом особое внимание авторы уделяют языковым абберациям, характерным для речевого поведения представителей определенной социальной общности. Интерес вызывает тот факт, что, несмотря на замкнутость и изолированность от внешнего социума коллектива курсантов военного вуза, номинации человека в жаргоне данной социальной группы в целом отражают общие тенденции, характерные для представления человека в русском языковом сознании.

Ключевые слова и фразы: антропоцентризм; номинации человека; жаргон; языковая картина мира; языковое сознание.

Попова Ольга Александровна, к. филол. н.
Пермский военный институт внутренних войск МВД России
p-olgapert@mail.ru

Пепеляева Екатерина Александровна, к. филол. н.
Пермская государственная фармацевтическая академия
ekaterina.perm@yahoo.de

АТИПИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В РЕЧИ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА[©]

Антропоцентрические позиции, при которых объектом исследования является человек, в настоящее время прочно укрепились в гуманитарных научных концепциях. Что касается филологии, то в сфере интересов лингвистики находится **человек** как фрагмент языковой картины мира (во всем многообразии когнитивных и психических процессов), а также языковой образ человека.

Языковой образ человека – это знания человека о самом себе, отображенные в языке. Эти знания многогранны и включают в себя представления о человеке в целом, его качествах, действиях, взаимоотношениях с другими людьми, которые «объективированы всей системой семантических единиц, структур и правил... языка» [5, с. 8].

Учитывая, что человек «запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции и свой интеллект, свое отношение к предметному и непредметному миру, к природе» [2, с. 3], изучение языкового образа человека как отображения представлений о человеке представляет собой способ осмысления феномена «человек».

Исследованиям, описывающим семантическое пространство человека, уделяется большое внимание в различных сферах лингвистики. В области лексикографии широко исследуется лексика семантических полей, связанных с всесторонним описанием человека. Отмечая разнообразие и полноту представленных в этой лексике